

33.03

А - 25
Умнож. нум. биб. н. н.
21041 2014

3AB

А - 25

KH. 839

KH 839
K 1923

2017

338

Л-25

Ин. № 3202

Автор Ларин, Ю.

Название Итоги пути, введённого нов. экономической политики.

Взято	Возв.	Взято	Возв.	Взято	Возв.	Взято	Возв.

25 ФЕВ. 1931

17 МАР. 1931

28 МАР. 1931

18 АПР. 1931

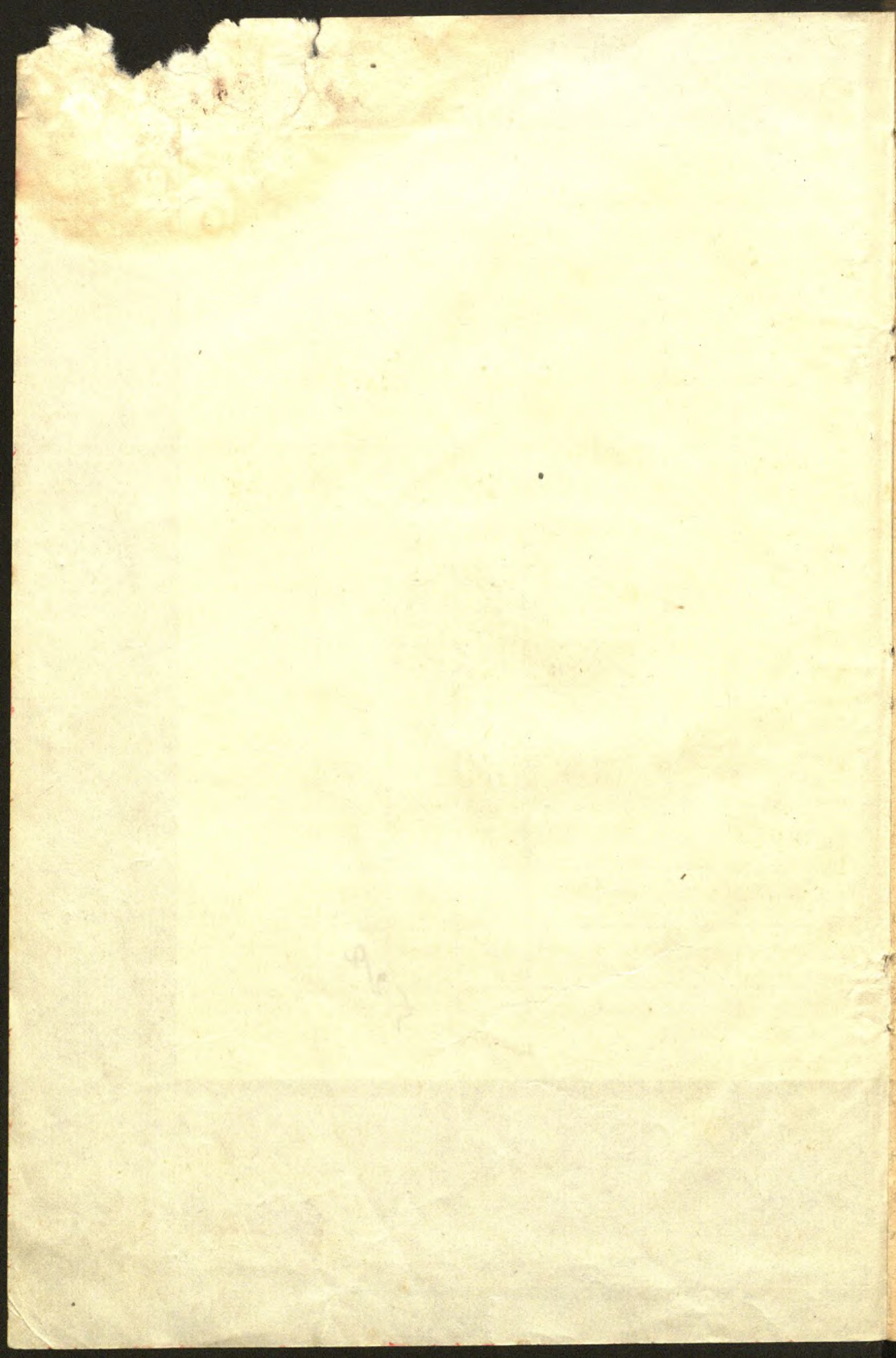
29 АПР. 1931

13 МАЙ 1931

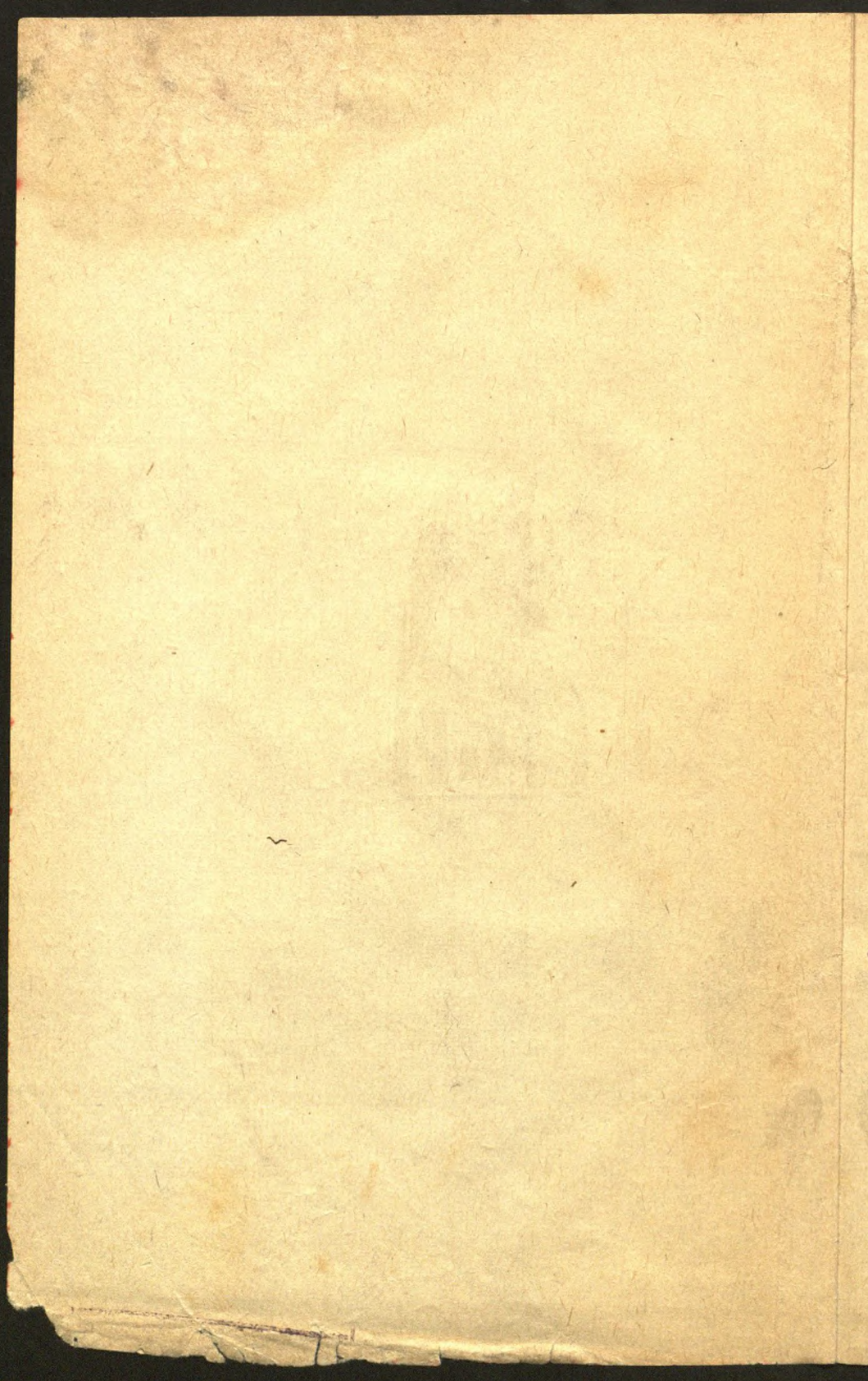
6 МАР. 1934

528

528

33.03
Л 25

Эт.

~~338
Л-25~~

Ю. ЛАРИН

Л

ИТОГИ, ПУТИ, ВЫВОДЫ

НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

*инв. в 847.338
Л-25
инв.*

~~338~~ *18. кр.*

Ф-32

У-34

1984 г.

1962
5075
1980

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ» — 1923

33.03

Л 25

~~33.03~~
Л 25

НОВОРОССИЙСКИЙ
СВОБОДЫ

Напечатано в типографии ГПУ
(Б. Лубянка, 18) в колич. 10000 экз.
в апреле 1923 г. Главлит № 4068.

33.03
Л 25
Л 25

1596

2012

2007

2007

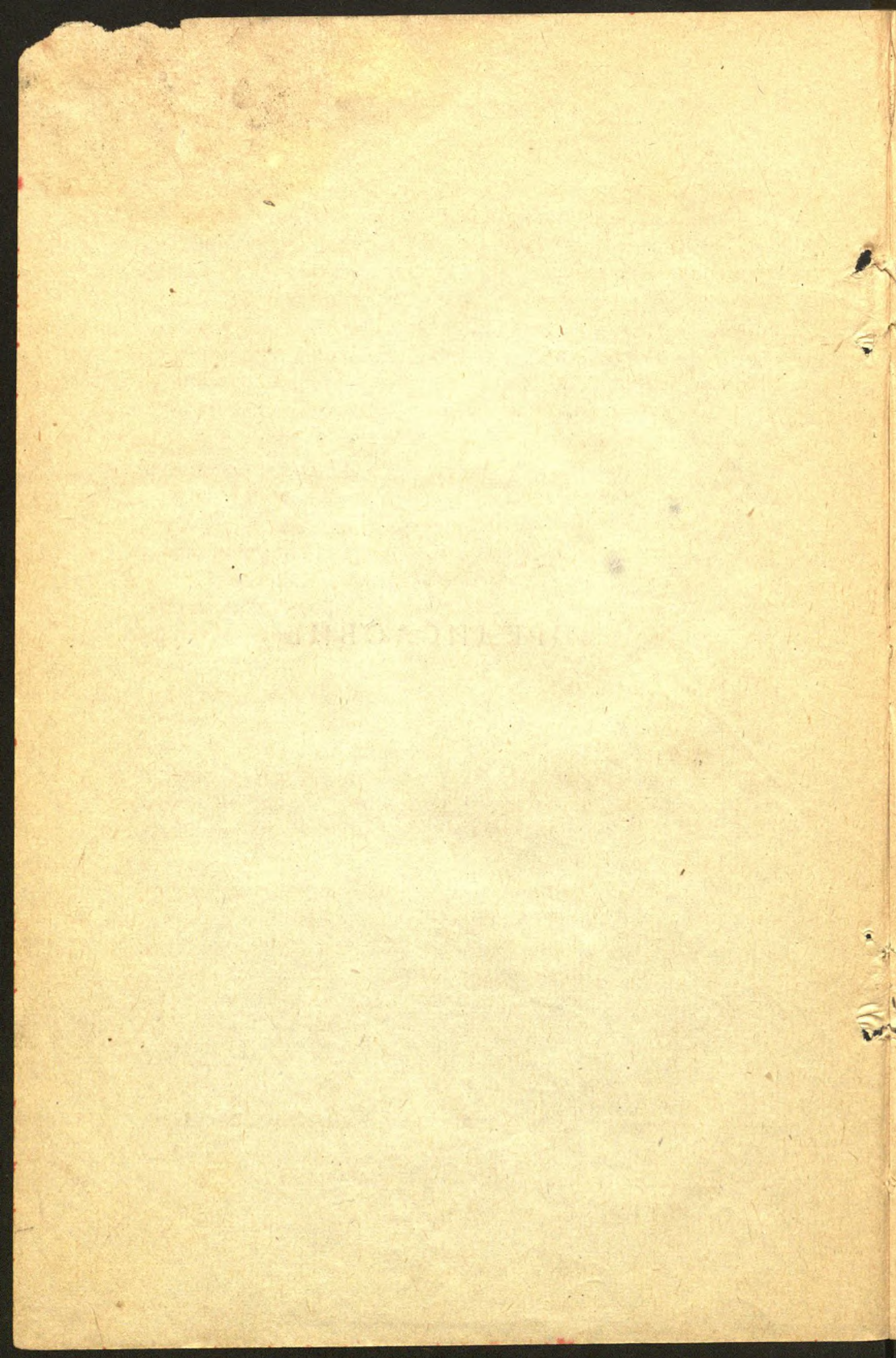
1990

ф/р - 351

Читинская областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

Фонд редких
КНИГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемая работа составлена между 24 февраля и 25 марта 1923 г., поэтому автор не мог пользоваться более поздними данными. Для некоторых глав («Организация промышленности» и «Обложение деревни») частично использованы некоторые опубликованные уже нами статьи. Во второй выпуск войдет часть, посвященная специально финансам, сельскому хозяйству и рабочему законодательству, которые в этой книжке рассматриваются лишь в связи с основными ее темами.

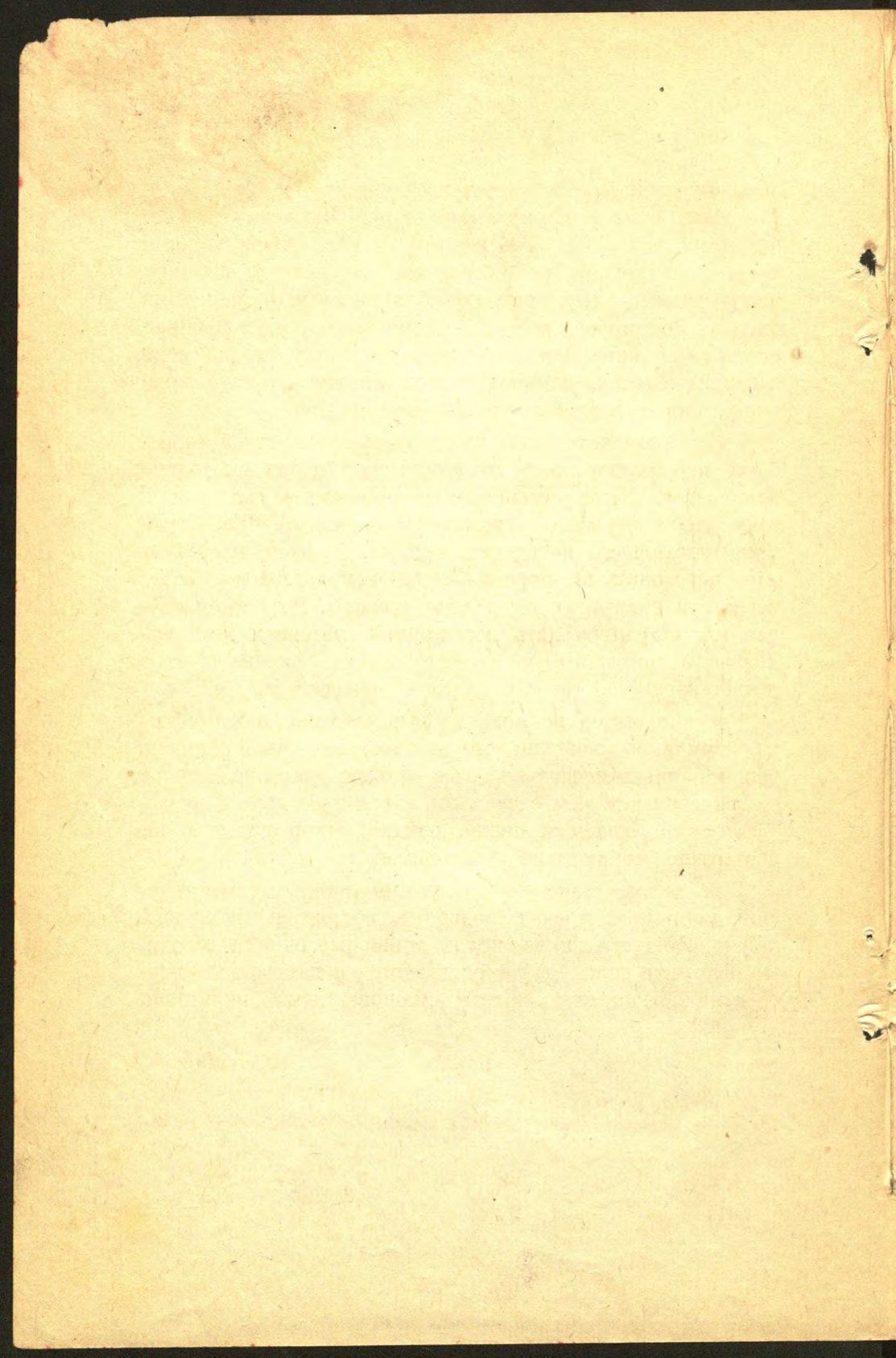
Работа по подведению итогов и по конкретной разработке перспектив новой экономической политики только начинается. Наше освещение и понимание сводятся к тому, что от первого—«стихийного» периода НЭП'а, благоприятствовавшего появлению правых уклонов, мы начинаем переходить ко второму—«плановому» периоду НЭП'а, когда эти правые уклоны будут изжиты. Во всяком случае мы старались дать достаточный материал для возможности читателю и самостоятельно составить себе представление об «итогах, путях и выводах» НЭП'а.

Конечно, автор не архивный изыскатель и не болотная мямля, и возможно, что на той или иной стороне вопроса ставит несколько более сильное ударение, больше ее подчеркивает, чем сделал бы какой-либо другой исследователь. В общем и целом, однако, автор надеется на достаточное соблюдение необходимых пропорций.

При весьма скромном состоянии наших статистических данных и прочих подобных обстоятельствах, возможно, найдутся какие-нибудь отдельные ошибки и т. п. Но основные черты даваемой картины и намечаемых перспектив представляются нам обоснованными достаточно твердо.

Ю. Ларин.

28 марта 1923 г.

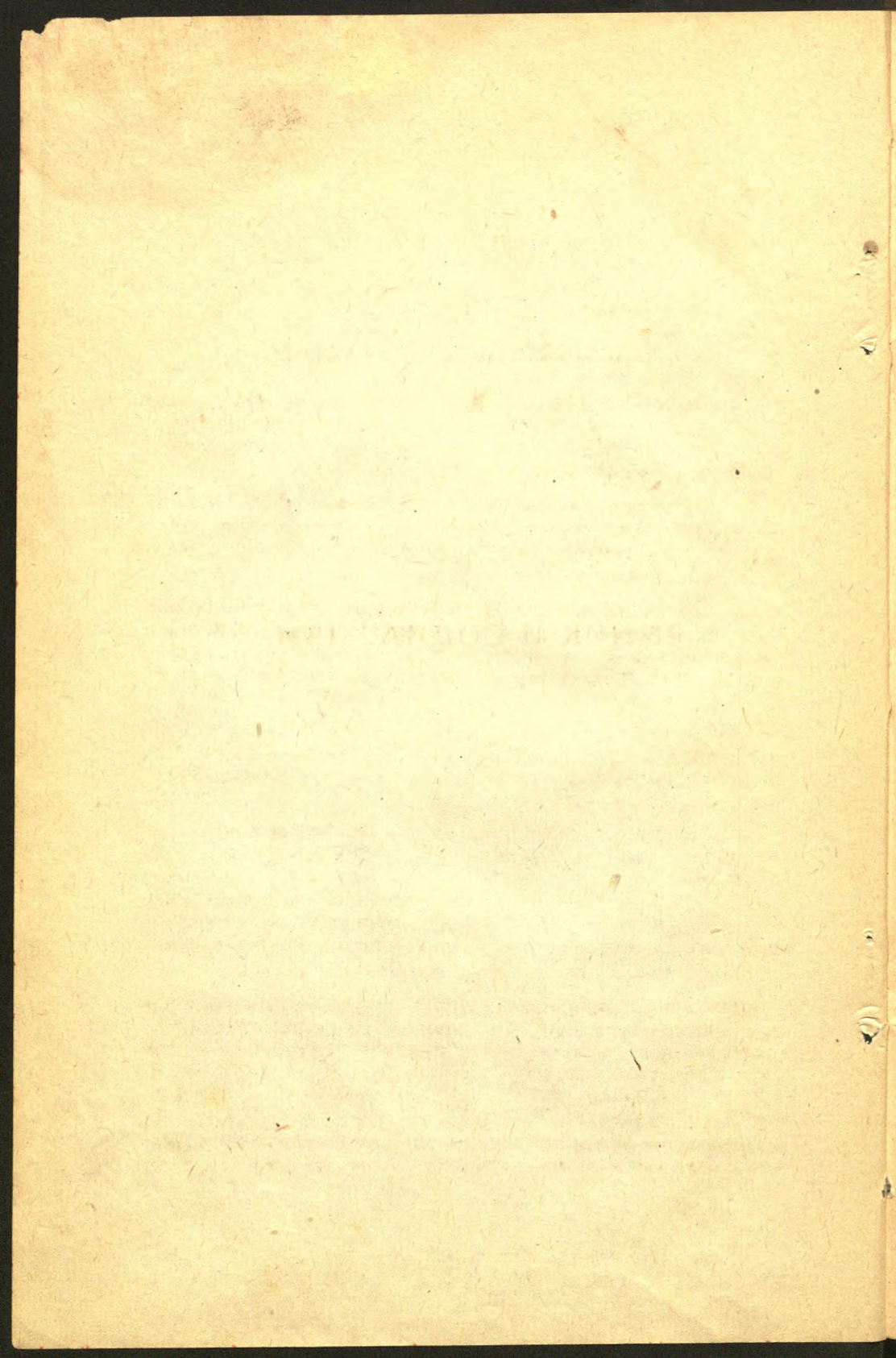
33.8
Л-522

ИТОГИ, ПУТИ, ВЫВОДЫ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ

8.22
22.8
1.98

LIBRARY OF THE
MUSEUM OF THE
CITY OF BOSTON

I. РЫНОК И СОЦИАЛИЗМ

53.8

с/1-522

1. ПОСЛЕВОЕННОЕ ДВУХЛЕТИЕ.

Прекращение военных действий к началу 1921 г. послужило исходным пунктом для возможности постепенного поднятия государственного хозяйства пролетариата и хозяйства Советской России вообще.

а) Оно дало возможность увеличить приток всякого рода средств в промышленность и транспорт (отвлекавшихся ранее войной), поднять заработную плату и этим производительность труда.

б) Оно позволило расширить простор для почина как мест, так и различных хозяйственных единиц, увеличивая этим гибкость и способность государственного хозяйства в целом приспособляться к отдельным трудностям положения.

в) Оно сократило в несколько раз непроизводительные расходы страны на военную и чиновничью армии, что явилось основной предпосылкой для постепенного оздоровления финансов государства.

г) Оно дало возможность поставить взаимоотношения овладевшего государственной властью пролетариата с крестьянством на приемлемую для последнего почву признания товарного характера крестьянского хозяйства, что обеспечивает при данных условиях большую легкость воздействия на сельское хозяйство в общих интересах рабочего класса.

Изменение взаимоотношений с крестьянством (свобода торговли продуктами крестьянского хозяйства) стало необходимым прежде всего из-за крайней бедности государства фабрично-заводскими изделиями. При возможности широко снабжать ими деревню мыслимо было и сохранение системы разверстки или подобной ей без крестьянского недовольства и без задержки развития сельского хозяйства. Характерно сравнительно незначительное падение

посевной площади в годы военного коммунизма с 93,5 милл. дес. в 1917 г. до 86 милл. дес. в 1920 г. (по одобренному экон. секцией Госплана подсчету Вишневого, стр. 69). Это показывает, кстати, преувеличенность разговоров об уничтожении «военным коммунизмом у крестьян «стимула» к производству посевов ¹⁾).

При отсутствии изобильного снабжения фабрично-заводскими изделиями крестьяне могли сравнительно спокойно терпеть чуждые им «противотоварные» методы регулирования хозяйственных отношений пролетариатом («разверстка» и пр.), только пока чрезвычайно нуждались в военно-организаторской деятельности рабочего авангарда, направленной к отражению попыток восстановления помещичьей власти.

Поражение царских генералов на всех фронтах, ослабившее политическую зависимость крестьян от рабочих, и продолжающийся недостаток в фабричных продуктах для широкого удовлетворения ими деревни придали указанному выше изменению методов регулирования отношений с крестьянством (§ 1, п. г) принудительный для пролетариата характер (отсюда общественно-политическая атмосфера «отступления»).

Настоятельная необходимость иметь хорошо защищенный тыл на случай необходимости активного выступления на международной арене в интересах мировой пролетарской революции, отрядом которой является взявший в

¹⁾ О том же свидетельствует составленная т. А. П. Смирновым сводка о состоянии скотоводства по переписи 1916 г. и переписи 1922 г. (крупный рогатый скот, молодой скот, овцы и козы)—см. „Продовольствие и Революция“, № 1 за 1923 г.

Губернии.	Всего в переводе на крупный скот	
	1916 г.	1922 г.
1. Тверская, Рыбинская, Костромская, Ярослав., Иван.-Возн., Владимир., Московск., Калужск., Смоленская.....	2.356 тыс. гол.	2.862 тыс. гол.
2. Петроград., Череповец., Новгородск., Псковская.....	1.228 „ „	1.329 „ „
3. Минск, Гомельск, Витебская...	1.481 „ „	1.463 „ „
4. Рязанск., Тульск., Орловск., Воронежск., Тамбовск., Нижегородская, Пензенская.....	4.114 „ „	3.371 „ „
Всего в 25 губерниях....	9.179 тыс. гол.	9.025 тыс. гол.

Эти 25 губ. представляют собой ядро Советской России, которое, в отличие от Урала, Украины, Дона и т. д., никогда не занималось белогвардейцами на сколько-нибудь длительный промежуток и непрерывно находилось в 1918—1921 г.г. под воздействием „военного коммунизма“ наиболее твердо и решительно проводившегося именно в этом районе.

свои руки государственную власть в России рабочий класс,—эта необходимость на предстоящие годы еще более закрепляет неизбежность сохранения товарно-рыночных методов в определении взаимоотношений с крестьянством.

Признание товарного характера сельского хозяйства, занимающего до 80% населения и дающего до 65% всего валового «национального дохода» страны (см. «Обложение деревни») — потребовало перестройки сверху донизу всего государственного пролетарского хозяйства (организация промышленности, распределения, транспорта, финансов). Эта перестройка, не уничтожая ни диктатуры партии рабочего класса в государственном хозяйстве, ни самого государственного его характера (национализация промышленности и транспорта, монополия внешней торговли и т. д.) — должна была приспособить его к указанному «отступлению перед деревней» (перед мелко-буржуазной стихией). Такое приспособление заключается в применении «рыночных методов» ведения хозяйства («коммерческий расчет» в промышленности, торговля вместо распределения, деньги вместо природы и т. д.), и пользование ими является неизбежной внешней формой государственного пролетарского хозяйства, пока существует совокупность указанных выше условий (недостаток фабрично-заводских изделий, напряженное международное положение, товарные методы регулирования отношений с крестьянством).

Последовавшие за окончанием войны два года (1921 и 1922) были поэтому временем скрещивающегося проявления обеих тенденций: благотворного влияния окончания войны на подъем хозяйства (§ 1) и перестройки всего хозяйственного уклада на рыночные методы (§ 2). Это было продолжением прежней политики самостоятельного пролетарского хозяйства, обогащенного прекращением войны и приноровлением к созданным им условиям. Но вместе с тем свобода торговли и мелкого хозяйства создавала благоприятные условия и для открытого выступления и укрепления на экономической арене городской буржуазии, выдвинувшейся из разжившихся оптовиков-мешечников, из накравшихся советских служащих, из спекулянтов валютой, из уцелевших остатков прежних капиталистов.

Перестройка государственного пролетарского хозяйства с административно-ордерного на товарно-рыночный уклад неизбежно должна была повести к временному расстройству планового руководства хозяйством и потому к (тоже

временному) почти полному параличу непосредственной организации государством связи между государственным и крестьянским хозяйством, поскольку она должна была проявляться в новых формах. Потому эти новые формы,— торговая смычка с деревней,— в итоге двухлетия фактически оказываются на три четверти захваченными буржуазией (отчеты о торговых операциях 80 синдикатов и главных трестов ВСНХ показывают, что государственная промышленность почти на две трети вообще работает для самого государства, а из идущей на вольный рынок трети около 80% захватывается частными торговцами).

Значительный частный рынок существовал и в годы военного коммунизма. Его легализация и расширение после конца войны послужили исходным пунктом для выступления новой буржуазии и на политическую арену.

а) Начинается лихорадочный процесс оформления ее, идеологами общественного мнения промежуточных слоев путем литературной деятельности, заостряемой в сторону неизбежности, желательности и выгоды перехода к обычному буржуазному хозяйству (легальная буржуазная журналистика, меньшевики, сменовеховцы и пр.).

б) Кладется начало легальному оформлению представительных органов новой буржуазии (комитеты рыночных торговцев, союзы нэпмановских правлений житловариществ, общества арендаторов, местами шефство и т. д.).

в) Ясно намечается очередная политическая линия буржуазии, как стремление играть на разрыв союза между рабочими и крестьянами (ср. письмо Ленина о Рабкрине), используя для этого политически захваченную ею экономическую позицию (торгового посредничества с деревней).

г) Усиливаются (ранее приглушавшиеся и прикрывавшиеся) проявления буржуазных воззрений и навыков со стороны многочисленных буржуазных специалистов, действующих в рамках нашего советского аппарата. При этом растет их значение в нем и количественно: при «военном коммунизме» среди директоров государственных заводов около 60% приходилось на рабочих, а к 1923 г. их осталось лишь около 30—35%.

Параллельно этим процессам шла и фоном для них служила усиливавшаяся и экономически и политически эмансипация деревни от пролетарского господства. Экономически она выражалась, между прочим, также и в том, что крестьянин сеял собственный табак, носил самодельную ткань и т. д.—в большей против прежнего мере. Политическая эмансипация замедляется как в высшей степени бережным отношением партии пролетариата к

интересам крестьян, так и все еще остающейся опасностью возможности попыток помещичьей реставрации в случае крушения рабочего правительства. Но и она проявляется во все растущем вытеснении коммунистов в пользу беспартийных в органах крестьянского и, вообще, советского представительства ¹⁾. Разумеется, было бы недопустимым упрощением приравнять рост беспартийных соответственной потере влияния партии, ибо оно проявляется и через беспартийных. Но нельзя совсем не учитывать того факта, что процент избранных коммунистов стал ниже, хотя абсолютное количество коммунистов в деревне за эти годы значительно увеличилось.

Отхождение деревни от политического и экономического руководства коммунистических рабочих,—помимо роста государственного значения буржуазии, как таковой,—означало бы еще угрозу существованию значительной части русской промышленности. Крестьянам было бы выгоднее ввозить в данный момент более дешевые иностранные товары, оплачивая их сельско-хозяйственным экспортом, чем поддерживать неизбежно более дорогую русскую индустрию. В этом надлежит искать один из общественных корней того натиска за «свободу внешней торговли» (отмену монополии), свидетелем которого мы были за последние два года.

При таких условиях задача укрепления пролетарского руководства деревней, задача выбивания буржуазии из захваченных ею торговых позиций (в области организации взаимоотношений «города» и «деревни») становится на 1923 год первостепенной очередной политической задачей, осуществляемой экономическими методами.

¹⁾ По опубликованным в издании ВЦИК „5 лет власти советов“ данным НКВД, среди членов съездов советов процент беспартийных составлял:

	Уездные съезды.	Губернские съезды.
Вторая половина 1918 г.	18,3%	5,7%
Первая " 1919 г.	33,8%	10,1%
Вторая " 1919 г.	45,5%	20,4%
За весь 1920 г.	56,3%	21,2%
Первая половина 1921 г.	58,3%	25,1%
Вторая " 1921 г.	55,2%	25,5%
Первая " 1922 г.	61,2%	—

За весь период в целом темп роста беспартийных в губернских съездах еще быстрее, чем в уездных. По тем же данным, в 1922 г. рабочие (теперешние и бывшие) составляли среди членов губисполкомов 40% и среди членов уисполкомов 32%. Этот процент обязательно должен быть повышен не менее, чем до двух третей.

Губсъездов в первой половине 1922 г. не было, поэтому отсутствуют данные. За 1920 г. данные НКВД неразделены по полугодиям.

9/12 - 351

33.8
 1922
 Уезд А 3202

Для правильной ее постановки необходим двусторонний подход: как со стороны доли рабочего в продукции промышленности в частности и в национальном доходе вообще (проблема производительности труда), так и со стороны нормальных для настоящего времени ценностных соотношений индустрии и сельского хозяйства (проблема здорового развертывания хозяйства). Организационная же сторона вопроса заключается в выковывании на опыте жизни методов, при помощи которых действующая в товарно-рыночных условиях пролетарская диктатура может органически преодолеть этот самый рынок на пути к полному установлению социалистического строя отношений—на этот раз уже не в рамках всеобщего обнищания, но в условиях все растущего хозяйственного возрождения.

Усиление буржуазного и мелкобуржуазного давления на авангард пролетариата извне в годы «нэпа» происходило при обстановке, когда внутри него среди некоторых частей самого авангарда сопротивление этому давлению должно было оказаться ослабленным (опасность, указанная в свое время постановлением партийного съезда).

Во-первых, в связи с общей перестройкой хозяйственного уклада после войны (см. §§ 1 и 2) имела место сначала вообще некоторая частичная «потеря масштаба». Или, как выразился тов. Сталин,—«осуществляя эти мероприятия (новой эк. политики), мы, как полагается, наделали массу ошибок, исказили их действительный характер». (Сталин, «Перспективы» в «Правде» от 1 декабря 1921 г.).

Потеря масштаба заключалась в том, что в первоначальной перестройке, последовавшей за окончанием войны,—использование благоприятных результатов этого окончания (§ 1) и ставший необходимым перевод государственного хозяйства на товарно-рыночные методы (§ 2)—некритически смешивались некоторыми с предположениями о могущих быть при данных условиях быстро достигнутыми крупных результатах, путем усиления участия буржуазии в промышленности, и о роли ноерганизованной торговли («разбазаривания»). В практике «новой эк. политики» соединились потому не только прочные положительные черты, вытекавшие из указанных выше условий (как—увеличение размеров и изменение системы заработной платы, «раскрепощение» государственной промышленности от излишеств одностороннего централизма, сокращение непроизводительных расходов и пр.), но и некоторые отрицательные моменты, сводившиеся, главным образом, к переоценке

экономических последствий активного выступления буржуазных элементов (переоценка подстегивалась, между прочим, опасениями перед последствиями намечившегося в 1921 г. голода и ослабляющим его влиянием на государство и его возможности).

К этим отрицательным моментам относятся:

а) переоценка ожиданий, возлагавшихся на аренду,— как известно роль частно-предпринимательской аренды в развитии промышленности оказалась ничтожной;

б) переоценка ожиданий, связывавшихся с возможностью капиталистических концессий для оживления промышленности,— как известно, промышленные концессии фактически почти отсутствуют;

в) переоценка благотворного значения введения всеобщей нерегулируемой «стихийной» торговли всех со всеми — как известно, государственная промышленность успела уже оценить на деле убыточность этого примитивного «разбазаривания», отказалась от него, переходя к синдикатам и тому под., поняв необходимость планового начала и в торговле и осудив первоначальное господство правила «деньги на бочку» во взаимоотношениях между государственными органами;

г) сюда же можно отнести переоценку положительной роли буржуазных специалистов и беспартийных вообще — как известно, практика на опыте ввела здесь поправки;

д) одновременно недооценивались отрицательные моменты, напр., возможность захвата буржуазией торговой смычки с деревней. Необходимость применения нами рыночных методов (в чем заключалось значение новой экономической политики для изменения взаимоотношений государственного хозяйства с крестьянским) подменялась мыслью о неизбежности при нэпе широкого участия в хозяйстве буржуазии;

е) недооценка и временное ослабление общепланового начала в государственном хозяйстве и выпячивание разрозненных планов и действий отдельных «распыленных» госорганов;

ж) тенденция к ограничению партучастия в хозработе.

Все подобного рода первоначальные ошибки, увлечения и искажения ¹⁾, как правильно отметил тов. Сталин

¹⁾ Речь шла здесь именно о „потере масштаба“—с принципиальной точки зрения допустимы в наших условиях, разумеется, и аренда и концессии и т. д. Возможно, что отдельные деятели или авторы теряли временами этот масштаб в таком размере, что количество грозило начать переходить в качество, но это оставалось их личной особенностью и не отразилось на фактически осуществленных государством мерах в области, напр., тех же концессий и аренд.

(см. выше), не помешали успешному действию основных положительных проявлений новой экономической политики. Но на почве всех этих ошибок и переоценок, менее устойчивая часть переживала идейно-политический сдвиг в сторону уменьшения противодействия буржуазному давлению извне, усилившийся «стихийным» характером первого периода нэпа.

Эта менее устойчивая часть с ослабленным противодействием буржуазному давлению складывалась из трех элементов.

Во-первых—из лиц, стоящих во главе собственного мелко-буржуазного хозяйства (самостоятельные крестьяне, самостоятельные ремесленники). При «военном коммунизме», когда хозяйственная практика государства состояла во все большем искоренении привычных методов буржуазного хозяйства (вплоть до введения бесплатности распределения), — наличие всех этих попутчиков из мелкой буржуазии не была опасной—они сами увлекались общим течением, господствовавшей линией развития. Наоборот, перестройка государственного хозяйства на товарно-рыночный лад после войны должна влиять консервирующим (сохраняющим и питающим) образом на прежнюю мелко-буржуазную психологию и идеологию этой части. Потому в попутчиках из других классов при наличии «нэпа» сам собою дан элемент с ослабленным противодействием буржуазному давлению извне. Их влияние отражается иногда через некоторые исполкомы, иногда через некоторые кооперативы и т. д.

Во-вторых, неустойчивой оказалась часть хозяйственников, пребывавшая все время в паническом ожидании сегодня одной, завтра другой очередной «катастрофы» с промышленностью, работающая в густом и тесном окружении буржуазными специалистами, зачастую без обладания экономической подготовкой и вообще достаточно выдержанным мировоззрением, к тому же почти оторвавшаяся фактически от политической работы и запутавшаяся в трудностях практического проведения новой экономической политики, подставляющая потому порой вместо хозяйственного расчета пролетарского государства—простую отрывку отсталого реакционного капиталистического «либерализма» (напр., известные литературные выступления в январе 1923 г. с попытками взвалить причину дороговизны на чрезмерную высоту заработной платы).

В-третьих, неустойчивые элементы рекрутируются частью и из нехозяйственных интеллигентских кадров.

Здесь иногда сочетаются политическая усталость, расслабленность, размагниченность, с одной стороны,—с разочарованностью в быстром торжестве международной революции, с другой, и с неверием в возможность достаточно долго поддерживать собственными силами пролетарское государственное хозяйство и даже пролетарское государство вообще. Появляется своего рода молчаливо-скептическое «болото», непроизводящее шума (по рецепту германских оппортунистов: «это делают, но об этом не говорят»), пользующееся в надлежащих случаях полагающейся фразеологией (словесностью), но внутренне изверившееся, порою думающее о том, как бы отступить по дальше, с привлечением внимания масс к этому поменьше.

Оставаясь субъективно приверженцами коммунистической борьбы рабочего класса и большей частью даже не осознавая объективного общественно-классового смысла своих позиций,—все эти элементы не имеют в настоящее время преобладания и организационно не выделены в какую-либо обособленную группу. Они являются не оформленным «правым крылом», а расплывчатым, неустойчивым «болотом». Как всякое оппортунистское течение, так и эти элементы идейно оформляются прежде всего не в области принципиальных формулировок, а в области практической линии. В их лице буржуазное давление извне до известной степени фактически находит бессознательный отклик изнутри. Поэтому, оценивая современное положение и очередные задачи, необходимо отдать себе отчет также в необходимости во время решительно одернуть проявившую неустойчивость часть, дабы выпрямить их линию, смысл которой может быть характеризован, как тенденция к пересмотру классовых отношений сравнительно с тем, как они определились фактом овладения пролетариатом государственной властью в Октябрьскую революцию, и тем, как они пронесены им в существенном и через годы нэпа.

Эта практическая линия остается недостижной осуществлению, ибо пошатнувшиеся («правые») элементы не имеют преобладания. Но, поскольку они существуют, смешно было бы закрывать на них глаза ¹⁾.

¹⁾ За последние месяцы можно было отметить по нашей печати, напр., такие «чаяния»:

а) уменьшение реальной заработной платы во имя понижения продажной цены фабрично-заводских изделий в целях более благоприятного для сельско-хозяйственных продуктов соотношения цен;

б) удлинение на два часа в день рабочего дня в производствах, где по причине их вредности советским государством установлен сокращен-

Партия достаточно сильна и здорова для того, чтобы парализовать правый уклон совершенно безболезненно. Как сказал тов. Зиновьев в известном своем докладе о «Возрождении буржуазной идеологии и задачах партии» на августовской 1922 г. всероссийской партийной конференции: «та глава в истории нашей революции, которая называется нэпом, связана на политической арене с крупными опасностями, которые надо ясно видеть и только тогда можно будет их избежать». Во-время сигнализировать возможное назревание опасности является, поэтому, первейшим долгом,—и в этом отношении мы обязаны проявлять величайшую подозрительность, осторожность и чуткость. Надо, как пишет тот же тов. Зиновьев в «Правде» от 6 марта 1923 г.—«оберегать хозяйственное крыло партии от опасностей перерождения, которыми грозит ему буржуазная сторона нэпа».

Вред от правого болота заключается еще и в том, что оно именно своими тенденциями к крестьянско-буржуазному уклону, именно явной чрезмерностью своих практических чаяний,—нервирует рабочий класс, ставит профсоюзы в положение обороняющихся против различных «атак», толкает их на положение какой-то «оппозиции», легкомысленно играет доверием и расположением широких масс, питает и создает самые нежелательные тенденции—и делает это при том в период, когда поды-

ный рабочий день (угольная промышленность, химическая промышленность и др.);

в) усиление зависимости рабочих от усмотрения нанимателей путем отмены обязательности найма рабочих через биржу труда (выиграл бы и частный наниматель);

г) отмена обязанности хозорганов делать отчеты профсоюзам и собраниям рабочих о ходе производства и о связанных с этим вопросах, коммерческая тайна перед профсоюзами, а равно усиление независимости хозорганов при назначении директоров и т. п. от рекомендации союзов;

д) введение ответственности профсоюзов за коллективные договоры (одно из наиболее реакционных требований) и одновременно уничтожение уголовной ответственности хозяйственников, нарушающих коллективный договор;

е) пересмотр и изменение рабочего законодательства в духе уменьшения гарантий и прав, предоставленных рабочим относительно бронировки подростков и некоторых других пунктов (см. выше);

ж) лишение государства права давать отдельные обязательные предписания созданным им хозяйственным единицам во имя святости принципов „государственного невмешательства“;

з) открытие дверей широкой (и хаотической) денационализации государственных промышленных предприятий, путем допущения продажи их с публичного торга и т. п. за долги по истечении известных льготных сроков;

и) проповедь упразднения даже таких скромных проявлений плана в государственном хозяйстве, как принудительная организация трестов

мающееся состояние хозяйства страны совершенно не дает объективных оснований для такого отношения к делу.

Для преодоления заблуждений, ошибок и извращений правого крыла, надо не только большинством голосов отклонять «правые» практические предложения, — что не может вызвать сомнений при лозунге: «довольно отступления», — но и по существу противопоставлять им анализ по всем очередным вопросам как внутренней, особенно хозяйственной, так и международной политики.

Настоящим мы хотим наметить, хотя бы в качестве предварительного наброска, тот материал и те соображения, какие должны быть приняты во внимание при таком анализе (разборе, оценке) в области «итогов, путей и выводов новой экономической политики».

2. РЫНОК И СОЦИАЛИЗМ.

После двухлетнего существования нэпа, с особой силой должно быть подчеркнуто, что необходимость направления его развития в сторону коммунизма, а не в сторону восстановления всей полноты буржуазных отношений — никоим образом не допускает веры в автоматически саморегулирующее благотворное влияние рынка.

государством „сверху“, — и противопоставление этому „фритредерского“ требования полной хозяйственной автономии каждого отдельного предприятия (возврат к „анархическому“ хаосу буржуазного уклада);

к) поход за фактическую отмену государственной монополии внешней торговли под различными соусами (та же „ликвидационная“ манера упразднить, вместо того, чтобы усовершенствовать);

л) тенденция к преувеличенному суживанию объема государственного хозяйства (напр. жел.-дорожной сети);

м) положительное отношение к существованию создавшихся представительных органов новой буржуазии, без которых на деле свободно можно обойтись (напр., нэпмановские правления жилтовариществ, комитеты рыночных торговцев);

н) „невмешательство“ партийных организаций в советскую деятельность;

о) тенденция к облегчению падающего на сельское хозяйство бремени за счет эмиссии, особенно тяжело при данных условиях поражающей как раз промышленность и пролетариат, и путем мер для искусственного повышения хлебных цен на внутреннем рынке (помимо совершенно необходимого государственного экспорта). Совершенно утопичны мечты о крупном развертывании индустрии и транспорта для обслуживания 140 милл. населения за счет самой промышленности без крупной помощи крестьян (полезной, в конечном счете, и для них самих), — при определении размера которой должна быть, конечно, строжайше учтена обязательность сохранения союза рабочих и крестьян.

Задачей нашей, как организаторов социализма, остается преодолеть рынок, но только подходя к этому преодолению применением товарно-рыночных методов, а не воспрещением без оговорок и без экономической подготовки.

Отказаться от организованного вмешательства государства в стихию рынка, упразднить учреждения, принудительно-сплачивающие государственные предприятия (тресты), и провозгласить автономию каждого отдельного государственного предприятия (как это предлагали в начале 1923 г. в ряде статей замглавтоп тов. Трифонов и др.) означало бы именно поддаться такому «перенэпиванью», слепой вере в благодетельность примитивных буржуазных методов «свободной конкуренции». Это значит совершенно забыть, к чему привела, в конце концов, буржуазная система хозяйства Европу и к чему приводила ее систематически—к периодическим хозяйственным кризисам и катастрофам, к громаднейшей растрате производительных сил, к таким «накладным расходам» на народное хозяйство, какие даже бюрократичнейший из наших трестов видит только в приятных сновидениях.

Рабочая Россия не настолько богата, чтобы отказом от планового хозяйства (каким является упразднение трестов, отрицание синдикатов и т. п.) допустить у себя роскошь кризисов от непропорциональности производства и т. п. Довольно с нас и того, суживающего рынок обеднения страны, которое заставляет сжимать весь темп развертыванья хозяйства вообще и промышленности в частности.

Рабочая Россия не в настолько дружественных отношениях с противостоящими ей государствами капиталистов, чтобы согласиться на выполнение практической программы известного идеолога русской буржуазии проф. Гриневицкого. Как известно, в своих трудах проф. Гриневицкий, один из наиболее авторитетных буржуазных исследователей русского хозяйства (чья книга—знамя и святыня буржуазной идеологии в России), показал, что в условиях свободного рыночного хозяйства неизбежно на предстоящие годы отмирание в России более сложных отраслей обрабатывающей промышленности (металлические заводы и пр.). Потому он находил целесообразным для буржуазии сконцентрировать внимание на производстве и добыче, главным образом, всяких материалов и сырья (руда, уголь, нефть и т. д.), а продукты сложной обрабатывающей промышленности преимущественно ввозить из-за границы. Это обойдется дешевле, а в условиях рыночного хозяйства решает сравнительная дешевизна—в Рос-

Это была демOVERсия книги - Ларин Ю. Итоги, пути, выводы НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34